

Королевская семья организовала поисковую группу, чтобы найти принца, которого обнаружили спящим в пещере с его спутником, простым смертным. Спутника допрашивали с недоверием, пока принц не проснулся и, переполненный радостью, не воскликнул: "Где ты был?! Что произошло?! Я так волновался прошлой ночью, Ронин!" "Я в порядке", - ответил Ронин. Цермин попытался обнять его, но Ронину надоели эти нежные объятия, и он отстранил принца. Цермину пришлось довольствоваться тем, что Ронин положил ему руки на плечи. "Я не смогу простить себя, если с тобой что-нибудь случится. Мне очень жаль. Я должен был лучше присматривать за тобой в следующий раз". Ронин просто кивнул лениво, и вскоре они все спустились с горы, чтобы вернуться во дворец и принять долгожданную ванну после изнурительной ночи, проведенной на грязном полу пещеры. Король и королева были очень обеспокоены своим драгоценным наследником, и, несмотря на то, что Цермин защищал своего друга, у них всё равно осталось не самое лучшее впечатление о Ронине. Так что возвращение на гору стало невозможным. Но Ронину было всё равно. За одну ночь он прокачался до 44 уровня, уничтожив птиц и получив более миллиона очков опыта. В то же время... Узнав правду, он больше не хотел убивать фениксов, несмотря на их мощное пламя. Он не хотел снова сталкиваться с этим... с этим тревожным обликом Ауриона. Вмешиваться в историю Ауриона и Фаусфоруса лишь добавляло хаоса в его сознание, которое должно было быть сосредоточено на одной цели, но вместо этого затягивалось чужой игрой. Он хотел стать своим собственным злодеем, а не Фаусфорусом 2.0. И так он провел остаток лета, читая о магических существах, планируя пройти экзамены на Вознесение, но уже от лица нескольких персонажей. Количество попыток для навыка "Глаз Дурака" увеличилось до трёх, а временной лимит стал намного больше. Проводя лето в Сцироко, Цермин много раз пытался провести время с Ронином. Ронин сдавался на большинстве из этих попыток, соглашаясь на путешествия по живописным и многолюдным местам королевства, например, на фестивали в маленьких городках и в театры. "Ронин... насчёт того, что произошло на горе. Кстати", - сказал Цермин, когда они ехали на рубиновых лошадях на конной ярмарке. "Я не сделал... Я не сделал ничего, чтобы расстроить тебя, что я не могу вспомнить?" "Что?" - спросил Ронин, кормя свою лошадь яблоком. Яблоки... Почему всегда яблоки? Что же такого особенного в этом круглом фрукте? "Не знаю, ты просто избегаешь смотреть мне прямо в глаза и всегда отступаешь назад, когда я приближаюсь", - нахмурился Цермин. "Ничего страшного, Ваше Высочество. Вы просто себе это придумали", - ответил Ронин, глядя прямо на него. Тем не менее, он тайком сдерживался, не отводя взгляд, словно избегая взгляда на солнце. "Солнышко..." - скрипнул зубами Ронин. Когда наступил его пятый год обучения в Академии, в первый день занятий... он всё ещё не мог избавиться от образа того "Солнечного" человека, улыбающегося ему с безумной, одержимой улыбкой. Он отвлекался на новые планы, чтобы получить больше уровней. Очки опыта для каждого уровня увеличивались почти вдвое, достигая миллиона и более. Он гадал, потребуется ли для 100 уровня миллиарды очков опыта. Если да, это будет действительно утомительное занятие. С тех пор, как Эспинелла исчезла, эксперимент был перенесен, и Совет прислал ему уведомление, что до прибытия профессора они не будут выделять никаких ресурсов и поддерживать их усилия в исследованиях. Проще говоря, ему больше не разрешалось вербовать добровольцев, и ему предстояло найти другой способ получить больше "материала" для убийств. Городская легенда о призрачном стуле уже давно забылась, и все студенты, которые её помнили, были на последних курсах, как Ронин, или уже окончили обучение. Не говоря уже о том, что каждый год появлялись новые студенты, наивные свежие "мясо", на которых легко было охотиться. Будет как будто есть крошечные кусочки, потому что ему придётся очень тщательно управлять тем, как он забирает их "фокус мага". Но до экзаменов на Вознесение у него не было другого способа набирать очки опыта. Повозку конфисковал Совет, но у него всё ещё осталась одна машина воскрешения, которую он мог использовать. Он мог оборудовать свою комнату под новую "зону питания пламенем", и Дон больше не будет проблемой... Потому что его отец фактически приказал ему переехать в другую комнату, отдельно и далеко от Ронина. "Он всё лето говорил мне порвать с тобой", - нахмурился Дон, собирая свои вещи для

новой комнаты в общежитии. "Как будто я захотел бы это сделать""У него есть своя правда, Дон", - сказал Ронин, не отрывая взгляда от книги. "Ты медленно растешь, и тебе нужно взрослеть самостоятельно. Со мной или без меня". "Ты завёл новых друзей с этими девушками, медленно повышая свой ранг как воин... Вскоре я тоже найду свой путь, пока ты будешь строить свой как рыцарь". Дон сглотнул. "Брат, не говори так... Я буду приходить к тебе сюда в конце недели..." "Но это правда, которую ты должен принять. Ты не можешь всегда полагаться на меня, ты не можешь полагаться ни на кого, кроме себя, потому что все приходят и уходят". Это было не просто эмоциональное враньё, которое он придумал, чтобы убедить Дона не ходить в его комнату и не беспокоить его. Это был искренний совет, который, как он чувствовал, этот юный человек заслуживает, если он хочет выжить в этом мире. "Ты следуешь за мной по пятам, позволяя мне решать всё за тебя. Возможно, не только за тебя, но и за твоих старших, таких как твои учителя или твои друзья. Ты пытаешься казаться бунтарём, но в глубине души ты неуверен, ты всегда ищешь фигуру, на которую можно опереться". "Потому что у тебя никогда не было такой фигуры. И поэтому ты цепляешься за меня. Я не возражал, Дон, но теперь пришло время расти и пускать корни в другом месте". Дон закусил нижнюю губу, затем вытер глаза. "Понимаю... Спасибо за совет, брат". "Моё решение всё ещё окончательно, я всё равно буду поддерживать связь с тобой, что бы ни говорили люди. Но... я попытаюсь расти самостоятельно, как ты мне сказал. Я пойду по своему пути один". Он подошел, чтобы обнять Ронина, и Ронин на этот раз не ощутил раздражения, а скорее... удовлетворение. Был ли он удовлетворен тем, что наконец избавился от помехи для достижения своей цели, от этого цветка, цепляющегося за его дерево в комменсальных отношениях... или же тем, насколько этот цветок расцвел и вырос сам по себе... Он сам не мог сказать. Дон вышел, и у двери его ждал профессор Ясный Кристал, который теперь занял пост советника вместо Эспинеллы. Он похлопал Дона по плечу, затем повернулся к Ронину. "Ты хороший брат, что сказал всё это", - произнёс он. "А Дон был хорошим, что принял твой совет. Я помню, как мой собственный брат говорил мне то же самое, ..." "Но я отреагировал не так хорошо и подумал, что он отталкивает меня. Возможно, он просто говорил это для моего же блага". Ронин услышал в своих мыслях: (И до сих пор я чувствую, что он отталкивает меня. До сих пор я чувствую, что он не любит меня, оставив меня так). В его памяти возник образ молодого Вириллы, того, что еще не был обожжен и не был закутан в бинты. И они действительно очень похожи, но было очевидно, что они слишком разные души. Он всегда сторонился Ясного... Но этот взгляд Вириллы, который он бросал на своего брата... был знаком Ронину. Это был тот же взгляд, который он имел, когда чувствовал что-то, чего не мог понять. Страх. Страх перед определёнными радостными и веселыми людьми, которые не относятся к тебе с ненавистью или презрением. Страх перед тем, что кто-то улыбается тебе без оттенка лжи или насмешки. Это был страх быть любимым.